

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЯХ КОНЦА XVI – XVII ВВ.

Европейский культурный контекст

В дискурс интеллектуальной истории Европы с легкой руки Жака ле Гоффа вошел термин «интеллектуалы Средневековья». Носители этого рода интеллектуализма не имели, конечно, прямого отношения к науке, тем более в ее современном понимании. Будучи теологами, они нередко имели статус *docti* в европейских университетах, сохраняя и расширяя образовательные традиции в Европе от XII до XIV вв. Средневековый интеллектуал-европеец – явление сугубо интернациональное, сложившееся поверх государств и их интересов, с одной стороны, ибо европейские университеты являлись самоуправляющимися институтами, гарантируя тем самым определенную социальную защищенность интеллектуала. С другой стороны, интеллектуал – работник католической церкви, ибо основу университетской системы образования составляла схоластическая теология католицизма. Но не об этом сюжете речь пойдет в статье.

Интересен вопрос о том, можно ли обнаружить подобный тип интеллектуала в православной средневековой культуре восточных славян, а также выяснить, каковы были его особенности. Речь, очевидно, должна идти о периоде позднего Средневековья – конца XVI – XVII в. Ставя вопрос таким образом, нельзя избежать проблемы имеющегося в литературе разнообразия терминологических обозначений восточно-славянских территорий и его населения в этот период. Некоторые предпочитают говорить о территориях с восточно-славянским населением Великого княжества Литовского, затем вошедших в состав Речи Посполитой. Другие пользуются названиями Малая и Белая Русь, данными московскими правителями, которые были включены в титулатуру Московского царя XVII в. после 1654 г., когда земли западной и юго-западной Руси вошли в состав Московского государства, что дало название населению юго-западных земель – малороссы, западных – белорусы в противопоставление великороссам, населяющим центральные районы Московского царства. Эта терминология, унаследованная Российской империей, широко использовалась историками XIX столетия. Языковая ситуация, сложившаяся в интересующих нас землях, характеризовала «русское» (русский этнос) население или «русинов» как людей, говоривших «по-просту»; интеллектуалы, о которых пойдет речь, работали и над созданием книжного языка «простой руськой мовы»¹. Существенным признаком, объединявшим славянское население этих территорий, была их конфессиональная православная однородность до Унии (1596 г.) и появления русских, принявших греко-католическое вероисповедание. Православные этих территорий подчинялись киевской митрополии. Украинцы и белорусы – этнонимы, появившиеся в XVII в.²; в последующем, начиная с XIX в., стали выражать национальное

¹ См.: Мозер М. Что такое «простая мова»? // *Studia Slavica ungarica*. 47. 2002. 3–4. С. 221–260; Он же. О «простой мове» // *Этнокультурные и этноязыковые контакты на территории Великого княжества Литовского: Материалы междунар. конф.* М., 2006. С. 112–130.

² См., например, работы современного киевского историка Н.Яковенко, на которые мы далее будем ссылаться.

самосознание в движениях за политическую самостоятельность и культурную независимость Украины и Белоруссии³. По стилистическим причинам в статье могут употребляться разные понятия; считаю необходимым отметить, что за этим не стоят какие-либо принципиальные политические или этнокультурные пристрастия автора.

Интеллектуалы в монастырях на интересующих нас территориях, как это ни покажется странным, были чрезвычайно мобильными для своего времени людьми. Субстратом этой мобильности были, как и на западе Европы, образовательные институты, без и вне которых сами ценности интеллектуализма воспроизводиться не могли. Школы, университеты, коллегии, библиотеки, типографии – вот где прилагали свои усилия монахи-интеллектуалы. Однако, возникнув в западных и юго-западных землях с православным восточнославянским населением, этот род интеллектуализма проник и на Московский двор уже во второй половине XVII в., что, в свою очередь, имело прямые последствия для появления в России первых систематических образовательных институтов.

Симеон Полоцкий (1629–25.08.1680)⁴ был именно тем ученым богословом, кто взял на себя труд привнесения нового типа интеллектуализма в среду книжников Московского Царства, в которой культивировалась иная культурная традиция⁵. Симеон принял иноческий сан в 1656 г. в Богоявленском монастыре Полоцка (Белая Русь) – города, который к тому времени уже два года находился под рукой Москвы: царь Алексей Михайлович с июля 1654 г. именовался Полоцким и Мстиславским⁶. В монастыре Симеон занимал должность учителя («дидаскала») братской школы. Образование он получил в Киевской братской коллегии сначала при ректоре Иннокентии Гизеле, а затем с 1648 г. Лазаре Барановиче. Как и его наставники, Симеон завершал свое образование в Иезуитской академии Вильно⁷.

Именно к таким образованным людям того времени можно применять термин «интеллектуалы». Ле Гофф считал, что *ремеслом* интеллектуала было «размышление и преподавание своих мыслей»⁸. В европейском Средневековье такой человек был лицом поименованным, включенным в ту или иную школу, имеющим учеников и статус в обществе, нередко его заслуги признавались церковью... Особенностью европейского университета, ее образовательной обязательностью, было устройство диспутов, что оттачивало риторiku и диалектику, способствуя появлению «своих мыслей». Так было в средневековой Европе. Что же можно сказать о славянских землях?

Книжная культура Древней Руси не могла произвести тип подобный европейскому интеллектуалу в своей социальной среде. Преподавание «своих мыслей» было невозможно по причине отсутствия образовательных институтов. Вплоть до 80-х гг. XVII столетия школ, университетов, коллегий в Московском царстве не существовало. Это не означает, однако, что

³ Флоря Б. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – Раннего Нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений / Отв. ред. А.И.Миллер, В.Ф.Репринцев, Б.Н.Флоря. М., 1997. С. 9–27.

⁴ Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович – в литературе можно встретить разночтения его отчества и фамилии. См.: Робинсон М. А., Сазонова Л.И. Заметки к биографии творчеству Симеона Полоцкого // Русская литература. 1988. № 4 С. 134. Об этом же: Сазонова Л.И. Литературная культура России. М., 2006. С. 50.

⁵ См.: Киселева М.С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000.

⁶ Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 293.

⁷ Панченко А.М. Симеон Полоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. XVII в. Ч. 3. С. 362.

⁸ Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. М., 1997. С. 3.

«своих мыслей» у русских книжников не было. Это говорит лишь о том, что сложившаяся «бесшкольная» (термин А.В.Карташева) образовательная книжная практика в монастырях и приходах брала на себя выполнение всех необходимых духовных потребностей. В их число входили и церковные службы, и научение грамоте, и воспитание, и привитие благочестия, и идеологическое сопровождение политических событий, и идейные противостояния с иноверцами, и многое другое, в чем книжник мог быть полезен своим соотечественникам.

Заметим, однако, что в XVI–XVII вв. православные славяне населяли не только пределы Московского царства. Немалые территории, в разное время входившие в состав древнерусских земель и княжеств, продолжали находиться под властью Польского королевства и Великого Княжества Литовского. И в этих землях также трудились православные книжники. Именно эта среда после подписания Люблинской унии 1569 г. и создания нового государства Речи Посполитой явилась катализатором интеллектуального расцвета православной культуры на восточных территориях нового государственного формирования. Попробуем обозначить социокультурные реалии, которые этому поспособствовали.

Прежде всего, надо отметить, что политические и социальные изменения затронули разнородное православное население бывших литовских территорий. Это, безусловно, инициировало как повышение социальной активности городского населения (мещан), так и «русских» князей, которые взяли процесс консолидации населения в свои руки на почве просвещения и образования. При этом контакты с иноверными (католиками и протестантами) делали актуальным вопрос сохранения православия. Миссионеры, поддерживаемые королевской властью, активно направляли свои усилия к распространению католической веры. Иезуиты переносили борьбу за души масс верующих, прежде всего в образовательную сферу. Ответ со стороны православной элиты мог быть один: осознание необходимости создания собственных образовательных структур в пределах православия.

Существенно, что объединение литовских и польских земель в одном государстве соединило очень разных православных русских западных и восточных территорий, вошедших в состав Речи Посполитой⁹. Для *галицкой шляхты* политический центр находился в Польском королевстве, для *волынско-киевской* — не далее собственного воеводства. До унии, пишет Н.Яковенко, миграции среди населения из одной территории в другую не было. Но после унии положение меняется. «Просвещенная, инициативная и мобильная в сравнении с боярами Волыни и Киевщины, галицкая шляхта наравне со своими польскими коллегами стала правой рукой вельможных патронов, получая по их протекциям солидное положение и поместья», — пишет современный историк¹⁰. Львовские горожане Плетенецкие, служившие Василию-Константину Острожскому, получили дворянский титул. Александр Плетенецкий, принявший в монашестве имя Елисей, стал архимандритом Киево-Печерского монастыря в 1599 г. Предки казацких старшин, а также церковных иерархов начинали свою «украинскую родословную» со службы князьям Острожским, Заславским, Вишневецким и другим известным княжеским фамилиям¹¹. Движения из Галиции на восток имели в своей основе *личный* (частный) интерес и способствовали раз-

⁹ Яковенко Н. Параллельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 231–269.

¹⁰ Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. 3-тє вид., перероблене та розшир. Київ, 2006. С. 205.

¹¹ Там же. С. 206.

витию социальной и культурной мобильности населения. История демонстрирует достаточно много примеров того, как подвижная социальная среда питает культурные новации.

Мобильность населения, кроме того, опиралась на этих территориях на сложившуюся *образовательную традицию*: юноши, выходцы из «русских» земель, получали образование в европейских университетах еще с конца XIV в.¹² Это движение на протяжении XV–XVI вв. под **сильным воздействием** распространявшихся по всей Европе гуманистических идей лишь укреплялось. Молодые люди из западно-русских городов (Львова, Вильно, Полоцка и др.) становились студентами ближайших польских и дальних, немецких, итальянских университетов (в документах европейских университетов они назывались «рутены», «литвины»)¹³. Блестящим и успешным примером конца XVI в. может служить деятельность **книгопечатника и переводчика Библии** на церковнославянский язык для домашнего чтения, доктора медицины (степень получена в Падуанском университете) Франциска Скорины.

Важнейшим техническим и материальным основанием для распространения образования стало освоение книгопечатания на этих территориях. Школа, как правило, следовала за открытием типографии. Типография же стала первоначальным центром образования и культурной самоидентификации западной Руси. Типографии требовали серьезных вложений. Деньги для их создания давали магнаты, шляхта, богатые горожане, при этом *разной религиозной и политической ориентации*. И протестантские общины, и православные братства, и католические организации нуждались в печатной продукции, и книги издавались на разных языках. Это разнообразие поддерживало полемическое напряжение в интеллектуальной атмосфере общества. Во второй половине XVI – первой половине XVII в. типографии появляются по всей западной и южнорусской территории.

Наконец, на восточных территориях Речи Посполитой расширялось монастырское строительство – Троицкий монастырь-крепость Межерич (XV–XVI вв.), Николаевский в Мильцах (XVI в.), Успенский в Почаеве (XVI в.), Фроловский в Киеве (1566); Борисоглебский в Гродно (1550) и в Новогрудке (1517), Жировицкий Успенский (1493), Супрасльский Благовещенский (1498) и др.¹⁴ со временем стали центрами просветительского и образовательного движения. Уже в последней трети XVI столетия в среде западного и юго-западного православного населения была осознана необходимость создания собственных *образовательных центров*.

Острожский православный интеллектуальный центр

В 70-х гг. XVI в. в Речи Посполитой почти одновременно оформились два конфессионально разных центра высшего образования, в Вильно – католический, в Остроге – православный.

Местом, где в 1576 г. была основана первая православная школа высшего типа для «воспитания и образования многих ученых»¹⁵, стал «княжий дом» в Остроге. В дальнейшем процесс школьного строительства достаточно

¹² Хижняк З.И. Киево-Могилянская академия. Киев, 1988. С. 15.

¹³ См.: Нудьга Г.А. На літературних шляхах. Київ, 1990. Нічик В.М. Києво-Могилянська академія і німецька культура. Київ, 2001. С. 35.

¹⁴ Слюнькова И.Н. Монастыри восточной и западной традиции. Наследие архитектуры Белоруссии. М., 2002. С. 47.

¹⁵ Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства. (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 161. Яковенко Н. Нарис історії... С. 209–213; Мицько І.А. Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576–1636). Київ, 1990; Русская

быстро распространился по многим городам православных восточных территорий Речи Посполитой. Покровителем школы Острога был князь Василь-Константин Острожский. Первоначально основные усилия интеллектуалов Острога были сосредоточены на издании славянской Библии, что во всех отношениях было очень значимым делом. Для православных русских этих земель иметь печатный экземпляр Библии, значило обеспечить максимальное количество приходов исправленным и выверенным текстом Священного Писания для чтения и просвещения клира и мира. Католическому Западу стало возможным доказать, что славянская Библия демонстрирует высокий уровень развития языка и самостоятельности православной веры и культуры; протестантское окружение увидело в славянской Библии большой соблазн склонить православных христиан, исповедующих веру на национальных языках, к союзу против католиков, остающихся верным латыни. Главным результатом усилий по созданию «славянского» письменного слова, безусловно, было первое издание славянской «Острожской Библии» (вышла в свет 12 августа 1581 г.) стараниями русского первопечатника Ивана Федорова (эмигрировавшего из Москвы в царствование Ивана Грозного) с предисловием Г.Смотрицкого. Печатанию Библии предшествовала серьезная текстологическая работа по сверке разных текстов, как церковнославянского (Геннадиевская Библия), так и греческого.

В конце 60-х гг. XVI в. здесь же, на Волыни, в городке Миляновичи под руководством другого москвича, ученика Максима Грека, единомышленника князя Острожского, Андрея Курбского сложился кружок интеллектуалов. В.В.Калугин связывает начало переводческой деятельности князя Курбского с приглашением в Вильно иезуитов, подчеркивая ее полемическую заостренность и просвещенческую значимость. Понятно, что энциклопедические по своему характеру тексты в этой ситуации были необходимее, чем всякие иные. Возможно, поэтому Курбский сосредоточил свою работу на переводе «Источника знания» – третьей части энциклопедического богословского труда Иоанна Дамаскина, «Нового Маргарита» и создании агиографического свода, как основы и ориентира для православных в иноверном окружении. Важна была и справочная литература. На полях переводческих трудов Курбского немало статей разного содержания. В.В.Калугин атрибутировал их как извлечения из двух словарей: латинского толкового Амвросия Калепино, монаха-августинца XV в., и «Ономастикона» Конрада Геснера XVI в.¹⁶. Существенно, однако, что и переводы Отцов Церкви делались с латинских источников. Курбскому помогали выпускники Краковского университета. Известно, что сам князь выучил латынь лишь по приезде в Литву¹⁷. Этот опыт еще раз показал, насколько важна организация собственных православных учебных заведений на восточных территориях Речи Посполитой.

В Острожской школе, как впоследствии и Московской Славяно-греко-латинской академии, было решено преподавать *три языка*¹⁸. Учреждая школу в Остроге, князь Василь-Константин Острожский сделал первую в православных землях попытку *объединить* греческую и латинскую ученость. Пер-

Православная Церковь, 988–1988. Очерки истории I–XIX вв. М., 1988. Вып. 1.

¹⁶ Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 57.

¹⁷ Там же. С. 30–64.

¹⁸ Впервые Collegium Trilingue для изучения иврита, греческого и латыни – трех сакральных языков христианского вероучения был создан в Лувене. В 1521 г. его созданию способствовал Эразм Роттердамский, который предполагал объединить как богословские науки, так и необходимость филологической подготовки и научных работ, по всей видимости, развивая идеи, высказанные еще св. Августином.

вым ректором школы был Г.Смотрицкий, каменецкий городской писарь, тот самый, что написал предисловие к Библии; первыми учителями – греческие дидаскалы, за которыми князь Острожский посылал на Патриарший двор в Константинополь. С преподаванием также был связан будущий патриарх александрийский и константинопольский Кирилл Лукарис. Работа книжников в Остроге, пишет современный историк, была «по сути своей историко-филологическими штудиями богословского направления, которые были ориентированы на исправления испорченных переписчиками мест, текстологическим разысканиям <...>, переводом с греческого и комментированием восточнохристианской патристики»¹⁹. Такая деятельность давала основания говорить об Острожском центре как об «академии», при которой, как полагают, и функционировала школа (во всяком случае, известно, что в типографии был переиздан Букварь). Н.Яковенко считает школу «побочным продуктом» ученого сообщества или своего рода «придворным лицеем», готовившим кадры для академии. Официально самостоятельность академии, как и школы, не была признана, т. к. право преподавания семи свободных искусств даровалось Привилегией короля Речи Посполитой, которое не было получено.

В 1602 г. князь перевел центр образования и просвещения из Острога в Дермань, где существовал монастырь, в котором ученые-монахи занимались переводами. Очевидно, именно здесь и произошло первое в славянских землях *соединение школы и монастыря*, учености и богословия. Известно, что в Дермани еще в 1599 г. был сделан перевод с греческого на славянский язык сборника «Пчела, или Собрание стихов от богодухновенного писания и внешних учителей» – своего рода фрагменты антологии античных философов и писателей, известный в Древней Руси. С переездом школы в монастырь деятельность братии была реорганизована для преподавания и развития православного богословия. Этот монастырь, по мысли князя, должен был стать своего рода *училищным монастырем*, при котором была создана и типография.

От православных братских школ к Киево-Могилянской коллегии

Оберегая себя от поглощения иными христианскими конфессиями, православное городское население восточных территорий Речи Посполитой еще в середине XVI в. нашло **собственную форму самоуправляемых институций** – *православные братства*, которые выполняли разнообразные социальные функции, в том числе и образовательные. Важно, что братства имели юридический статус. Сохранился один из ранних документов – Уставная грамота Львовского епископа Тучапского Макария Миколавскому братству во Львове от 18 февраля 1544²⁰. Братства образовывались во Львове, Городеке, Люблине, Замостье, Рогатине, Галиче, Шаргороде, Стряnine, Луцке,

¹⁹ Яковенко Н. Нарис історії... С. 211.

²⁰ Ісаєвич Я.Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVII ст. Київ, 1966. С. 14–15. Деятельность братств и их значение для развития западнорусской культуры оценивается в литературе по-разному. См.: Флеров И. О православных церковных братствах. СПб., 1857; Голубев С.Т. История Киевской духовной академии. Киев, 1886; Харлампович К.В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898; Панков А.А. Братства. Очерк истории западнорусских православных братств. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900; Мединский Е.Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954. Пам'ятки братських шкіл на Україні кінець XVI – початок XVII ст. Тексти і дослідження / Ред. В.І.Шинкарук, В.М.Нічик, А.Д.Сухов. Київ, 1988; Яковенко Н. Нарис історії.. Розд. 4.4.

Каменец-Подольском, Дубне, Ярославле, Немирове, Виннице, Киеве; а также в Могилеве, Минске, Орше, Полоцке, Слуцке, Пинске, Вильно и др. городах. Братства Малой и Белой Руси поддерживали между собой самые тесные связи, обменивались изданиями, учителями своих школ, проповедниками и типографщиками. Сами братства, а более всего школы при них, можно рассматривать как источник образовательного роста и постепенного осознания самостоятельности православной мысли в схоластических и риторических формах, воспринятых в католической системе образования. Разумеется, они стали также местом формирования национальной и конфессиональной идентичности населения.

Многие из воспитанников Острога стали действующими интеллектуалами, определившими успехи в развитии образования. Они учительствовали в открывающихся братских школах, шли в монастыри, продолжая там интеллектуальную работу по переводу и изданию богословских трудов. Приведем лишь один пример. Начальное образование в Острожской школе получил Мелетий Смотрицкий, сын ректора Острожской школы, оставшийся в интеллектуальной истории автором изданной в Вильно в 1618 г. (Евье 1619 г.) «Граматики славенские правильное сунтагма по тщанием многогрешного мниха Мелетия Смотринского». В 1648 г. она была переиздана в Москве на Печатном дворе, служа учебником и в следующем столетии. Известно, что по этой Грамматике учился Ломоносов.

Первая школа львовского Успенского братства («Порядок школьный»), юридически закреплённая грамотами антиохийского патриарха Иоакима от 1 и 15 января 1586 г., основана была, скорее всего, годом ранее. Затем в 1590 г. киевский митрополит Михаил Рогоза, а также поместный церковный собор и короли Польши подтвердили ее статус²¹. В школу, в соответствии с Уставом, набирали детей разных сословий. Они изучали церковнославянский, греческий и латинский языки, риторику, богословие и музыку.

Следующей в 1615 г. была основана Киевская братская школа²². Одним из ее организаторов и первым ректором стал Йов Борецкий, ранее ректор Львовской братской школы. Основные уставные и просветительские идеи были восприняты из Львова, но постепенно круг предметов расширился. Помогать Киевской школе стали частные лица, в том числе и гетман Петр Сагайдачный. Ее учениками становились выходцы из казацкой и мещанской среды. В 1632 г. по инициативе Петра Могилы²³, закончившего Львовскую братскую школу, а затем продолжившего свое образование в европейских университетах, Киевская братская школа объединилась со школой Киево-Печерской Лавры и была реорганизована в высшее учебное заведение – Киево-Могилянский коллегиум. И снова, как и в Остроге, образовательное учреждение соседствовало с типографией: еще в 1615 г. архимандрит Елисей Плетенецкий создал самостоятельную типографию при Киево-Печерской Лавре для печатания богословской и со временем учебной литературы. Учебное заведение нуждалось и в собрании книг, богословских, учебных по всем направлениям и дисциплинам. Библиотека коллегиума стала центром ученой монашеской книжности.

²¹ Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства... С. 163.

²² О дарственной Галашки Гулевичивны-Лозчиной, жены Мозырского маршалка Лозки, по которой ее дом и земля были пожертвованы школе см.: *Хижняк З.И.* Киево-Могилянская академия... С. 42–44.

²³ См.: *Жуковский А.* Петро Могила й питания єдности церков. Київ, 1997. С. 63–76.

Симеон Полоцкий: интеллектуал на Московском дворе

С конца 1640-х гг. можно говорить о распространении труда киевских интеллектуалов на Печатном дворе в Москве²⁴, а в 1664 г. Симеон Полоцкий, как пишут исследователи, по приглашению царя окончательно переселился в Москву.

С каким же багажом приехал на царский двор этот интеллектуал? За время его преподавания в Полоцке остались самые разные произведения, по которым можно представить широту его образованности и разнообразие умений. Симеон составлял стихотворные переложения литургических текстов, декламации, диалоги, эпиграммы. Им были написаны стихи по случаю знаменательных событий, праздников, панегирические приветствия. Видимо, с одним из такого рода приветствий «метрами» он обратился в 1656 г. к царю Алексею Михайловичу. Известно, что царь в шведской компании 1656–58 гг. дважды в 1656 г. был в Полоцке. И.Л.Андреев пишет об июльском визите, перед дорогой в Ригу, когда войско имело несколько побед над небольшими городками-крепостями²⁵. Тогда царь посетил Борисоглебский монастырь, церкви Спасскую и Софийский собор, центр базилианского ордена, возвращенный православной церкви. Второй раз в Полоцке он был после поражения под Ригой в октябре. В каком из двух визитов он слышал Симеона и его учеников, точно сказать нельзя. Ученики «братской» школы, воспитанники Симеона, приветствовали царя и произвели тем самым на него, очевидно, новое впечатление²⁶. В 1660 г. Симеон с «отроками» впервые посетил Москву и снова предстал перед Алексеем Михайловичем в Кремле с чтением декламации. Вернувшись в Полоцк, он продолжил свою педагогическую и поэтическую деятельность, требовавшую больших знаний и интеллектуальных умений, выучки и ясной головы. Он писал акrostихи, загадки, «эхо» с рифмующимися вопросами и ответами, макаронические стихи с использованием нескольких языков, фигурные в форме креста, лучей, «раки», образующие один и тот же текст при чтении слева направо и справа налево и т. д. Все это – репертуар хорошо образованного в барочном искусстве поэта, владеющего приемами риторики, поэтического мастерства и, кроме всего прочего, родным разговорным, а также польским, латинским, письменным русским («простой мовой») языками. Источниками этого рода образования были школьные курсы риторики, поэтики, хорошее знание античных латинских авторов и, конечно же, богословской литературы. При дворе Алексея Михайловича Симеона прозвали «философ», «вития» и «пиит», он также был и богословом, подписывая свои труды «иеромонах».

Именно по причине «латинства» и «западной образованности» Симеона его позиция на Московском дворе была уязвима. Даже старшее поколение могилян, также приглашенных на Печатный двор в Москву царем, – Епифаний Славенецкий, Арсений Сатановский, ценившие познания Симеона, критически относились к нему за незнание греческого. Собственно, именно за те качества, которые вызвали интерес к нему царя, он и не был принят православным священством Московской Руси. Конечно же, неверно видеть в царе Алексее Михайловиче сознательного латиниста и западника. Скорее это был «аристократический» интерес к новинам, виденным им в походах в западные

²⁴ См. подробнее: Киселева М.С. «Могилянцы» на Московском дворе: книжность или ученость? // Высшее образование в России. 2006. № 1. С. 157–165.

²⁵ Андреев И.Л. Алексей Михайлович... С. 301.

²⁶ См.: Симеон Полоцкий. Вирши / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К.Былинкина, Л.У.Звонаревой. Минск, 1990. С. 40–41.

земли и попытка усвоения правил европейских дворов. Возможно, поэтому в 1667 г. царь вверил Симеону воспитание и образование своих детей – будущих царя Федора и царевны-правительницы Софьи. В выборе наставника для царевича Петра Алексеевича, будущего Петра Великого, Симеон выполнял роль экзаменатора дьяка Никиты Зотова, взятого затем воспитателем для малолетнего Петра. Его педагогические способности пригодились в Приказе тайных дел, где он обучал латинскому языку государственных чиновников для дальнейшей дипломатической работы. И это также была большая новина – «школьное», пусть по ведомственной нужде обучение иностранному языку. И еще одна поддержка уже от юного царя Федора Алексеевича, просвещенного ученика Симеона: в 1678 г. была открыта «Верхняя» типография в Кремле («в Верху»), позволившая Симеону обходить патриаршую цензуру, контролировавшую и планировавшую продукцию Печатного двора.

Симеон не претендовал на получение высоких титулов в духовном сословии и продвижение по церковной иерархической лестнице. Он поселился в Заиконоспасском монастыре и видел смысл своей деятельности в ученой, книжной, словесной работе, оставаясь иеромонахом. В его келье располагалась самая большая по тем временам в Москве личная библиотека²⁷, в которой были собраны книги, очевидно, купленные Симеоном во времена его обучения в Киеве и Вильно. Эта библиотека сама по себе была целым университетом для желающих приобщиться к богословским темам и сюжетам и не только к ним. Учеников у Симеона было немного. Первому и достойному – Сильвестру Медведеву, также монастырскому интеллектуалу, Симеон завещал свою библиотеку. Просветительские надежды в пределах православной веры по примеру тех академий, в которых он сам обучался, воплотились в проект организации в Москве высшей школы («академии») по типу польских и западноевропейских университетов. Именно в целях просвещения своих венценосных учеников Симеон незадолго до смерти успел издать в Верхней типографии «Букварь языка славенска» (1679), «Тестамент Василия, царя греческого, сыну Льву» (1680), «Историю о Варлааме и Иоасафе» (1680)²⁸.

Еще в 1670 г. Симеон завершил создание богословского труда «Венец веры кафолической», который должен был выполнять просветительские и катехетические функции при дворе Алексея Михайловича. При его написании Симеон, как и в других случаях, например, создавая «Вертоград многоцветный», пользовался богословскими трудами католических авторов, которые находились в его библиотеке, заимствуя фрагменты текстов, композиционные элементы, структурные особенности и т. п.²⁹ Симеон работал с чужими текстами в своих интересах, но прежде всего как переводчик. Однако конечная цель его трудов – его собственный, авторский текст. Важно отметить,

²⁷ Описание ее см.: *Забелин И.Е.* Книги переписанные книгам, которые по указу Святейшаго Патриарха в нынешнем во <7> 198 году в день <...> переписаны в Спасском монастыре, за иконным рядом, подле церкви в верхней кладовой палатке // *Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских.* М., 1853. Кн. 16. А также: *Hippisley A., Luk'janova E.* Simeon Polockij's Library. A Catalog. Köln–Weimar–Wien, 2005.

²⁸ О богословских трудах Симеона см.: *Корзо М.А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М., 2011. С. 10–19.

²⁹ Подробно техники заимствования при создании Симеоном «Венца веры» на основе фундаментального пособия для пастырей «*Hortus pastorum*», написанного бельгийским католическим богословом Жаком Маршаном (Jacques Marchant, 1585–1648), а также при написании им катехетических произведений исследованы М.А. Корзо. См.: *Корзо М.А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого.

что конфессиональные различия учитывались Симеоном при такого рода «творческих процедурах» и католический текст *трансформировался* в текст православный, однако московские книжники относились к Симеону с недоверием, считая его испорченным «латинством».

Те же приемы работы очевидны и при написании текстов проповедей³⁰. В середине 70-х гг. XVII в. Симеон создал за очень короткий период два больших рукописных сборника проповедей, которым дал название «Обед душевный» и «Вечеря душевная». Они были опубликованы по рукописным сборникам (автографу и беловой рукописи: ГИМ, Синодальное собр. №№ 504, 655, 656, 657, 658) соответственно в 1681 и 1683 гг. учеником Симена Сильвестром Медведевым в Верхней типографии дворцовых палат Кремля с разрешения самого царя. «Обед душевный» (рукопись 1675 г.) – 109 Слов годовичного цикла, выстроенного в соответствии с Пасхальным годом, от праздника Пасхи к Св. четырехдесятнице и Страстной неделе; «Вечеря душевная» (рукопись 1676 г.) – цикл из 78 проповедей на праздники Господа, Богородицы и святых нарочитых, имеющей приложение из 29 поучений. Смысл этой грандиозной и вместе с тем привычной для южно-русских могилянских интеллектуалов работы состоял в просвещении московской православной паствы. В руки священникам необходимо было дать образцы книжных проповедей для обучения их этому риторическому искусству. Интеллектуал-священник должен был убедительно и красиво говорить с паствой, однако в 1670-х гг. в Москве еще не были созданы школы и коллегии с классами риторики, поэтому книжная форма обучения по-прежнему была актуальна.

Православные интеллектуалы в культуре барокко: социальный и политический контексты

В монастырской интеллектуальной среде эпохи барокко с высоким почтением относились к новолатинской поэзии, как, впрочем, и литературе античных авторов. Этому, как уже упоминалось, специально обучали в курсах риторик и поэтик, в коллегиях и академиях. Поэтому интеллектуалы в монастырях не только писали богословские труды и составляли проповеди. Они были очарованы поэзией и сами слагали вирши, трудились над переводами, обращали в стихи богословские произведения. По примеру польского поэта Яна Кохановского, как пишут литературоведы³¹, Симеон, став первым поэтом, утвердившим на русской почве силлабику как форму книжной поэзии, написал «Псалтырь рифмотворную» (1680 г. издана в Верхней типографии) – переложение «славенским» языком одной из книг Священного Писания. Конечно, ценителей этой литературы, особенно на Московском дворе, было немного, хотя известно, что уже после смерти поэта его стихи из «Псалтыри» были положены на музыку дяком Василием Титовым в 1685 г., подносной список был подарен царевне Софье в 1687 г.

Основание театра и первые театральные постановки также можно рассматривать как интеллектуальные барочные нововведения. Напомним, что в традиции иезуитского образования, усвоенной в западных братских школах, были обязательны театральные действия. Симеон поддержал интерес

³⁰ См., например: Киселева М.С. Образы времени и истории в русской барочной проповеди: Симеон Полоцкий // Образы времени и исторические представления: Россия-Восток-Запад / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2010. С. 284–301.

³¹ Сазонова Л.И. Литературная культура России. М., 2006. С. 55.

Алексея Михайловича к театру и написал два драматических произведения в стихах: «Комидия притчи о блудном сыне» и «трагедия» «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отрочех, в пещи не сожженных» – инсценировка библейского рассказа из Книги пророка Даниила³².

Однако главным литературным трудом Симеона, его барочной стихотворной энциклопедией стал «Вертоград многоцветный» (1676–1680), название которого точно отражает разнообразие собранных в этой книге сюжетов и тем из самых разных областей жизни – земной и небесной, человеческой и Божественной. Философско-религиозный концепт мира как книги, характерный для европейской барочной культуры, имел в «Вертограде...» грандиозное стихотворное воплощение³³.

Интеллектуал-монах Симеон, как это ни покажется странным, оказался проводником западных образцов *придворной жизни* на Московском дворе. Он «поэтически обслуживал» всякий праздник, торжественные церемонии, печальные даты и т. п. события повседневной жизни российской элиты. Все плоды этих трудов он собрал в один сборник под названием «Рифмологион», куда вошли пять «книжиц»: «Благоприветствование» по случаю рождения царевича Симеона (1665); «Орел Российский» (1667) — поэма, приуроченная к церемонии официального объявления наследником престола Алексея Алексеевича; «Френы, или Плачи» на смерть царицы Марии Ильиничны (1669); «Глас последний» на смерть царя Алексея Михайловича (1676); «Гусль dobroglasная» – поэма по случаю восшествия на престол царя Федора Алексеевича (1676). Визуальность барочной культуры предполагала, что стихи не только прочитываются, но и рассматриваются как картина. Поэтому само слово становится материалом для создания визуального образа, выраженного эмблемой или геральдической фигурой. Панегирический жанр требовал от поэта-интеллектуала высокого уровня овладения риторическими приемами. Ведь смысл панегирика – не только прославить того, кому адресовано произведение, но и удивить, вызвать одобрение своим хитроумным словесно-визуальным изобретением.

Оценить влияние интеллектуальной деятельности Симеона в культуре Москвы, пожалуй, наилучшим образом могли только его ученики и дальние коллеги. Вот, к примеру, свидетельство Сильвестра Медведева: «На всякий же день име залог писати в полдесть по полу тетради, а писание его бе зело мелко и уписисто»³⁴. Писание и было основным делом его жизни.

Многие другие, подобные ему интеллектуалы, выпускники Киевской коллегии оставались на тех территориях, откуда он, после возвращения Полоцка Польше, поспешил уехать. И действительно, нельзя сравнить спокойную жизнь Симеона под покровительством царской семьи в Москве и, к примеру, полную войн, лишений, политических и церковных интриг жизнь его старшего коллеги Лазаря Барановича, жившего в Киеве, а затем в 1657 г. принявшего сан архиепископа Черниговского и оставившего ректорство в Киевской братской коллегии. В 1666 г. в Москве патриарх посвятил его в сан

³² Об этой стороне творчества см.: *Былинин В.К.* Неизученная школьная пьеса Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 309–317. 1857; *Софронова Л.А.* Поэтика славянского театра XVII–XVIII в.: Польша, Украина, Россия. М., 1981; *Еремин И.П.* Симеон Полоцкий – поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избр. соч. СПб., 2004 (репринт 1953); *Тихонравов Н.С.* Русские драматические произведения: 1672–1725. СПб., 1874. Т. 1; *Резанов В.И.* Из истории русской драмы: Школьные действия XVII–XVIII иезуитов. М., 1910.

³³ См. подробно: *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. М., 2006. Гл. V.

³⁴ Цит. по: *Еремин И.П.* Симеон Полоцкий – поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избр. произведения. СПб., 2004 (репринт 1953). С. 227.

архиепископа Черниговского и Новгород-Северского. Высота сана обязывала заниматься не только духовной, проповеднической и книжной деятельностью, но и активно участвовать в политике. Лазарь был свидетелем военного разорения родных земель от татар, турок, поляков. Он искал политических решений для выхода из кровавых противостояний как вовне, так и внутри, как например, между казачеством и городским и монастырским населением. После 1654 г. Лазарь Баранович выполнял дипломатические миссии, искал компромиссы с московскими властями в военных и политических вопросах, особенно в отстаивании самостоятельности киевской митрополии, а также административной свободы Малороссии против московских воевод. Его заботил подъем образования и улучшение быта низшего духовенства, увеличение школ и типографий, восстановление разрушенных войной монастырей и церквей. Характеристику, которую дает Костомаров Барановичу, можно отнести и к Симеону: «Лазарь был человек с житейским благоразумием, позволял себе говорить насколько было для него безопасно, умел и молчать, и старался ладить с сильными и угождать им»³⁵.

Как и Симеон Полоцкий, одним из важнейших направлений в православном богословии Лазарь Баранович считал проповедь. Его проповеди изданы в двух сборниках in folio в Киево-Печерской типографии и посвящены царю Алексею Михайловичу: «Меч Духовный, еже есть глагол Божий...» (1666), включает слова и поучения на дни воскресные и переходящие праздники от Пасхи до Великой субботы; «Трубы Словес Проповедных...» (1674) включает проповеди на дни святых и непеременимые праздники. Костомаров дает критическую характеристику этим трудам, обвиняя проповедника в «вычурности» и «напыщенности» языка и считая, что проблема его в том, что Лазарь «отступил от способа, принятого Галятовским и Радивиловским, – писать проповеди языком близким к народной речи. Он пишет на славяно-церковном языке». Впрочем, продолжает Костомаров, «Лазарь, как кажется, и писал их, имея в виду более всего понравиться Алексею Михайловичу, любившему изысканность и напыщенность речи»³⁶. Действительно, некоторые исследователи отмечают, что для его верующей паствы общий настрой проповеднических текстов в книге имел, кроме догматического, еще и смысл политический.

«Меч духовный» – это Слово Божие, переданное проповедником во времена войн, татарских набегов, жестокости московских гарнизонов и прочих тягот немирной жизни. Не по рассказам архиепископ знал о военных стычках и нападениях. В 1668 г. он стал свидетелем захвата собственной резиденции в Спасо-Преображенском монастыре помощником Ромодановского князем Щербатовым и его войском в Новгород-Северске, «что было только началом, а закончилось войной в Чернигове», как писал Лазарь к И.Гизелю³⁷. Именно этот эпизод явился поводом к той просьбе, которую адресовал Баранович своему собрату по книжному и проповедническому делу Симеону Полоцкому в Москву, с надеждой на помощь в организации встречи своих посланников с царем Алексеем Михайловичем.

Письмо это, так же как письмо Гизелю, написано по следам только что происшедших событий. Характерно его начало, демонстрирующее высокий уровень образованности обоих, а также все приметы барочной актуализации

³⁵ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отд. 2. Гл. 9 (<http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom40.htm>).

³⁶ Там же.

³⁷ Письмо Л.Барановича И.Гизелю от 14 октября 1668 г. // Чернігівські Афіни. Київ, 2002. С. 71.

античных текстов. В начале своего письма Лазарь обращается к текстам Овидия, которые тот писал из понтийской ссылки («Скорбные элегии», «Письма из Понта»). Небезопасность жизни меж воинственных народов «гордых ту-рок» и «черкесов», под которыми автор понимает казаков, позволяет ему подменить «действующие народы» в текстах Овидия. Латинский поэт говорит о сарматах и гетах и других народах Причерноморья, Лазарь пишет: «Еще Овидий писал про них (казаков)...»³⁸. Это начало письма адресовано интеллектуалу, знающему латинскую поэзию и, безусловно, способному понять литературную подмену. Для текстов эпохи барокко такие вольные ассоциации достаточно распространены. Овидий – один из цитируемых в академических курсах «Поэтик» автор. Приветствие от интеллектуала интеллектуалу естественно начать со ссылки на древнего и любимого автора. Впрочем, начало изложения событий в родных краях снова напоминает Овидиевы строки: в своих посланиях тот часто упоминает необработанные земли, опустошенные войной, о том же сообщает и Лазарь. Автор образно и без подробностей излагает налет князя Щербатова («так нас ущербил...»), пожары, смерть.... Однако за этими поэтическими аналогиями стоят реальные проблемы: отношения между Москвой и Киевом и та политическая деятельность автора, от которой был весьма далек Симеон.

* * *

В статье мы попытались показать внутреннюю связь между ученым богословием и образовательными институциями, которые создают новый тип монастырского интеллектуала-богослова, как его определил С.Йосипенко, «широкого профиля»³⁹, владеющего и словом проповедника, и поэтическим мастерством, и педагогическим талантом, и даже политической интригой. Возникшие в конце XVI в. в юго-западной и западной русской православной среде институции, соединившие типографию, школу, монастырь, а затем и высшее учебное заведение – Киево-Могилянскую коллегию – были именно тем социокультурным субстратом, который привил культуре Украины, Белоруссии, а затем и Московского царства ценности образования, богословия, барочной интеллектуальной книжности. Интеллектуалы своими знаниями, просветительской миссией, проповедническим искусством, своими библиотеками, перевезенными в Москву, участием в культурных, пусть робких, нововведениях (написании театральных пьес, подготовке придворных празднеств, рдении о создании школ и высших учебных заведений⁴⁰ и т. п.) стимулировали те культурные трансформации, которые происходили на Московском дворе со второй половине XVII в., подготавливая будущие решительные действия царя-реформатора Петра I в области образования и просвещения своего Отечества.

³⁸ Письмо Л.Барановича Симеону Полоцкому 1668 г. // Там же.

³⁹ *Йосипенко С.Л.* До витоків української модерності: українська ранньомодерна духовна культура в європейському контексті. Київ, 2008. С. 217.

⁴⁰ См. подробно: *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.